

АЛЕКСЕЙ БОРИСОВ
ГЕННАДИЙ ЛОГИНОВ

Альманах «Планета людей»

ВЫПУСК ПЕРВЫЙ

Геннадий Логинов

**Альманах «Планета
людей». Выпуск первый**

«Издательские решения»

Логинов Г.

Альманах «Планета людей». Выпуск первый / Г. Логинов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852798-2

Этот альманах был составлен специально для аудитории проекта «Наша Вселенная» (первой отечественной научно достоверной и образовательной компьютерной игры про космос, соединившей в себе RPG, симулятор и стратегию) — всех тех, кто ждал, поддерживал, надеялся и верил. Спасибо, что вы с нами!

ISBN 978-5-44-852798-2

© Логинов Г.
© Издательские решения

Содержание

Жертва абдукции	6
Океан надежды	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Альманах «Планета людей» Выпуск первый

**Геннадий Логинов
Алексей Борисов**

© Геннадий Логинов, 2019

© Алексей Борисов, 2019

ISBN 978-5-4485-2798-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Жертва абдукции

Автор: Геннадий Логинов

*Море слов сокровенного смысла полно,
Этот смысл я читать научился давно. Но когда помышляю
о тайнах Вселенной,
Понимаю, что мне их прочесть не дано.*
Авиценна

Этот поздний вечер выдался на редкость безоблачным. Троица кремово-красных спутников, бросая безразличные взгляды своими холодными пустующими кратерами, озаряла дорожный простор отражённым светом бинарной звезды.

Пронзительный рёв видавшего виды пескохода нарушил чарующую ночную симфонию, спугнув редких, затаившихся в это время в кустах полуночных обитателей. Жизнь в столь позднее время суток для многих только лишь начинала бить ключом.

Оставляя за собой пылевые бури и щедро разбрызгивая во все стороны дорожную грязь, автомобиль миновал последний поворот, выехав на освещённую лунами трассу. Не отвлекаясь от управления машиной, Микай усилил громкость передатчика и, бросив очередной взгляд в зеркало заднего вида, подмигнул себе верхним глазом.

– Krii taa bu palla, krii taa vu palla, krii en tu di ramoto – krii taa bu palla, – затейливо вещал передатчик. Бешеная скорость, пустующая трасса, весёлая мелодия – всё это лишь дополняло общую картину счастья Микая Аренали в последний день его холостяцкой жизни.

Он ухаживал за Тиррой полтора года: первое время она была для него неприступна (как, впрочем, и для всех остальных претендентов на щупальце и сердца красавицы), но Микай взял её настойчивостью и напором, продолжая ухаживать даже тогда, когда другие бы на его месте давно развернулись и плюнули. Он ухаживал за ней честно, внимательно, деликатно, не поливая соперников грязью и не пытаясь торопить события. Пожалуй, именно сочетание этих качеств и покорило её.

Аренали не испытывал никаких иллюзий: Тирра не любила его сама. Но, тем не менее, позволяла любить себя, а это – даже больше, чем бывает у некоторых пар. А впрочем, любовь и влюблённость – вещи разные. За короткий срок, не зная кого-то близко, можно только влюбиться. По-настоящему любят всё-таки за качества и поступки.

Если, конечно, хватает ума их заметить и оценить. А если нет – то не к чему и связывать жизнь с такой неблагодарной душой. Ну, или – с таким неблагодарным дураком. Это уж кому как повезёт.

– Krii taa bu palla, krii taa vu palla, krii en dinaro dbano – krii taa bu palla... – звонко и сладкоголосо пропел передатчик, после чего, сильно зафонив, начал плевать отдельными фразами, еле доступными через заглушающее шипение.

«Ну вот, снова сигнал пропадает. Похоже, всё-таки будет буря. Вот и верь после этого прогнозам», – отметил про себя Аренали, спустив гермоштитки. Повинуясь нажатию сенсорной кнопки дисплея, неторопливо выехавшие укрепления заслонили собою окна, скрыв от непосредственного обзора виды окружавшего пустыря.

Теперь пескоход превратился из мобильного транспортного средства в стационарную герметичную базу, способную переждать кризисный момент. Это означало вынужденную задержку. Но даже маленькая неприятность не была способна испортить настроение Микая в такой вечер.

Единственным источником связи с внешним миром и средством наблюдения за окружающей средой стал бортовой компьютер, способный не только воспринимать сигналы внешних

сенсоров пескохода, но, в случае необходимости, получать и отправлять сведения на суборбитальный спутник частной компании, некогда предоставившей отцу Аренали в рассрочку эту колымагу.

Откинувшись в кресле, Микай запустил бортовой стереомонитор и, отворив бардачок, пошарил внутри. Фонарик, средства контрацепции, какие-то ключи, фотография младшего брата с его друзьями и девушкой, отцовский талисман на удачу, мамина записная книжка, какой-то непереработанный мусор, пустые неутилизированные банки, вообще непонятно что...

...О! Вот! Нашёл!

Выудив шупальцем запасённую настойку колючника, Микай лёгким жестом отворил её и, смакуя, опустил в неё межпальцевый хоботок. С одной стороны, распитие за штурвалом, мягко выражаясь, не особо приветствовалось местными силами правопорядка: система борtnавигации новейшего образца – так вообще запросто могла и отрубиться, если обнаруживала за рулём водителя, пребывающего в нетрезвом состоянии.

С другой стороны – откуда здесь взяться системе навигации новейшего образца, когда даже нормальным поисковым радаром обзавестись не удосужились? Да и что, в конце концов, может случиться от одной невинной баночки, тем более – во время стоянки? С этого и ребёнок не опьянеет, а пока буря начнётся, продержится и уйдёт – можно успеть хоть ящик таких вылакать. Всё равно – всё выветрится.

«Пропустим одну – и всё», – осушив с этими мыслями банку ртутно-аммиачного раствора, Микай небрежно закинул её в утилизатор, принявшись шуршать в бардачке в поисках второй. Но, не обнаружив таковой, грязно выругался, помянув отца-алкоголика, брата-раздолбая и всю его развесёлую компанию.

Поворчав ещё немного, Аренали переключил внимание на монитор. Как ни странно, по всем признакам намечавшаяся было буря что-то не спешила. Нет, конечно же, пескоход был далеко не новым, ему не хватало множества полезных и распространённых функций, но, тем не менее, обычно он работал вполне исправно. И уж точно не стал бы сбоить просто так на пустом месте.

Показатели датчиков неожиданно ожили, начав ощутимо зашкаливать. И это притом, что бури по-прежнему не наблюдалось. Настороженно поёрзав, Микай склонился над приборной панелью, не зная, что и думать. По экрану, мельтеша, одна за другой, множась, пробежали помехи. Шипенье, треск, сигнальные гудки и странные шумы неблагозвучной симфонией исторглись из аппаратуры за миг до того, как на мониторе возникло нечто различимое на фоне окутанного звёздами неба.

Поначалу оно было похоже на падающую звезду, но в скором времени «звезда» изменила направление падения и, поменяв с удивительной скоростью свою траекторию, устремилось навстречу.

По мере приближения неизвестного объекта аппаратура продолжала трещать, датчики – зашкаливать, а очертания предмета всё менее походили на небесное тело или знакомые виды транспорта.

В следующий миг, издав предсмертные пiski, – оборудование сдохло. Помещение пескохода, отрезанное от внешнего мира, погрузилось во тьму.

«Всего одна баночка. Это ведь была лишь одна баночка! Ну, не может же всего этого быть из-за какой-то там единственной пропущенной порции», – утешая себя, изумился Микай, взволнованно осматриваясь в непроглядной темноте.

Совсем недавно, только погружаясь в пескоход, он пребывал в твёрдой уверенности, что находится там один, но теперь на расстоянии вытянутого шупальца ему виделось, как в глубине машины, где-то рядом, а быть может, прямо за спиной, затаилось какое-то непостижимое *нечто*. Что-то неизведанное, таинственное и вместе с тем очень жуткое.

Пар сизыми струями принялся исходить из центра макушки, говоря о сильнейшем внутреннем переживании. Микай судорожно касался кнопок, дёргал тумблеры, давил на рычаги, пытался оживить панель...

...Но всё было без толку.

«Кто здесь? Что происходит? А может быть, просто показалось? Может быть, стоит закрыть глаза – и всё это просто исчезнет? У меня завтра свадьба. Вернее, уже практически сегодня. Я хочу жить. Я очень хочу жить. Пусть *оно* уйдёт. Пусть *оно* оставит меня. Я хочу домой. Я хочу к семье. Мне страшно. Мне очень страшно. Мне никогда в жизни не было так страшно. Я не понимаю, что происходит. Почему техника отказала? Что вообще творится? – судорожно размышлял про себя Аренали. – Так, Микай, соберись! Мужик ты, в конце концов, или нет?! Так, фонарик! Точно! Как я мог про него забыть! Всё от ужаса вылетело...».

В очередной раз пошарив в бардачке, Микай с радостным облегчением извлёк на свет фонарь, но вместе с тем не спешил пускать его в ход.

Его пугало то, что может скрывать в себе тьма.

Но наконец, приложив волевое усилие, мужчина нажал на кнопку. Непривычно яркий луч, от света которого глаза уже даже успели отвыкнуть, осветил приборную панель.

Осторожно Микай поводил светом фонаря вокруг. Ничего особенного – всё то же, и всё там же, где и было обычно.

«Дурак. Это ж надо так себя накручивать. Но, с другой стороны, – что же на самом деле случилось? Почему вдруг всё оборудование вышло из строя? Ведь бури же нет! Я люблю Тирру. Я хочу к Тирре. Я хочу жить. Мне нужно быть живым, чтобы жениться на Тирре. Мёртвый я не смогу этого сделать... – нервно оттерев выступившую на лбу слезу, Микай выпустил пар. – Вот ведь лезет в голову всякий бред...».

Додумать мужчина не успел, потому что в этот самый миг его тело парализовало: щупальце безвольно упало, выронив бесполезный фонарь, который, закатившись под сиденье, продолжил освещать салон пескохода. Слабое свечение порождало игру теней, лишь усиливая и без того нагнетавшийся ужас. Микай просто ощущал, что рядом с ним, здесь и сейчас, присутствует *кто-то* или *что-то*, недоступное ни технике, ни обычному зрению.

Первый приступ паники начался в тот миг, когда Аренали ощутил, что утратил контроль над собственными членами. Он по-прежнему ощущал свои конечности, но – был не в силах ими пошевелить.

Собрав волю в щупальце, мужчина мысленно напрягся, пытаясь сдвинуться с места. И, надо сказать, в какой-то мере ему это удалось – по его телу действительно, в какой-то миг, прошла судорога. Но добиться чего-либо более приемлемого – у него так и не вышло. К этому моменту уже подкатила и вторая волна паники, когда Микай ощутил свою беспомощность при полном непонимании ситуации.

Яркий, но холодный потусторонний луч упал откуда-то сверху, заполнив собою всё пространство пескохода, и Аренали почувствовал, сколь ничтожным сделался его вес. Тело, оторвавшись от кресла, медленно и плавно начало подниматься вверх по лучу.

Ожидая удар о потолок пескохода, Микай с удивлением обнаружил, что полёт продолжается, в оцепенении наблюдая, как его голова проходит сквозь запечатанную герметичным покрытием крышу салона. Следом – поднялось и всё тело, и вот уже вскоре целый пескоход оказался где-то внизу.

Микай поднимался ввысь над трассой, ввысь над пустырём, ввысь над колючниками и оврагами. Его взгляду стали доступны широкие просторы, озарённые небесным сиянием. Ему было страшно. Очень.

Неопознанный летающий объект, по габаритам и форме напоминавший своего рода громадный утюг, стремительно и верно затягивал его своим лазурным лучом.

В памяти пронеслись все многочисленные невнятные байки и рассказы, то и дело звучавшие в вечерних новостях, либо становившиеся предметом очередного трэш-фантастического кино: инопланетные цивилизации, в далёкой древности посещавшие Цению, оказывавшие влияние на становление нынешних культур, понастроившие свои исследовательские базы, ныне воспринимаемые в качестве памятников древней архитектуры, оставившие на память различные непонятые артефакты...

А ещё эти постоянные странные символы на почве, истории про похищенных... В первую очередь, конечно же, Микаю в этот момент приходил на ум его отец: пьяница-неврастеник, твердивший на каждом углу о том, как в молодости высокие инопланетяне с мохнатыми головами похитили его, подвергнув своим чудовищным опытам.

Разумеется, собственным детям Аренали-старшего доставалось не раз – как в школе, так и в зрелые годы. Поскольку сыновьям «того самого сумасшедшего алкаша с инопланетным зондом в заднице» жилось в провинциальном городке совсем непросто.

Ранее Микай долгое время ненавидел отца, не будучи в силах простить ему ни пьянства, после которого тот распускал руки-щупальца или развязывал язык, ни бакс, которые он травил на каждом углу, позоря при этом семью. Но теперь – Микаю было одновременно страшно и стыдно. Страшно – за себя, и стыдно – потому что теперь он верил. Верил, что все эти истории, рассказанные подвыпившим отцом, – вовсе не блажь сумасшедшего.

Даже нет, не так. Вера – подразумевает непоколебимую убеждённость в чём-либо при отсутствии бесспорных доказательств, в то время как теперь он просто был поставлен перед фактом: инопланетяне (как вариант – пришельцы из иного измерения, бесы, демоны, или кто там они все на самом деле) – действительно существуют.

Они действительно прилетают, действительно крадут беспечных граждан и ставят над ними свои чудовищные опыты, засовывая свои зонды им в... Даже страшно представить куда...

Оказывается, это была правда. Раньше – ещё можно было верить или нет, но всё-таки факты – вещь упрямая. У отца просто не хватило силы духа. И немудрено – его не поддержал никто, даже родные и близкие...

Боже, как же всё-таки страшно. Как хочется жить. Как хочется остаться живым, здоровым и оказаться где-нибудь как можно подальше отсюда.

Микай взглянул вдаль, где за трассой красовались огни города, находившегося так близко, но так далеко. Где-то там его ожидала Тирра...

Лазурное сияние заволокло всё вокруг, полностью поглотив Микая...

– Скальпель!

– Скальпель...

– Зажим!

– Зажим...

– Тампон!

– Тампон...

– Теперь осторожнее, сделайте надрезы вот здесь и здесь. Молодец, Кацумото. А вы, Уоллес, – смотрите и учитесь. И вообще, не стойте же здесь как истукан – поддержите тут. Кацумото, посветите...

– Смотрите, кажется, он уже начал приходить в себя...

Медленно пелена начала сходить с множества разноцветных глаз Микая: поначалу поморщившись от яркого света, вскоре он начал различать очертания и фигуры. Первое время Аренали не соображал, где именно он находится и что происходит; но вскоре недавно пережитый ужас очнулся в памяти, а открывшийся вид лишь дополнил картину.

Тело Микая, зафиксированное и даже частично вскрытое, находилось посередине широкого серебристого и очень холодного операционного стола, в то время как странный массивный прожектор продолжал подсвечивать его обнажённые внутренности лазурным светом. Казалось,

этот свет был наделён тяжестью. И, как ни странно, облучённый им ценианец, несмотря на всё это, по-прежнему был жив.

Какие-то металлические щупы, выступающие из-под краёв операционного стола, подобно паучьим ножкам, удерживали края его плоти, в то время как трое загадочных и жутких существ неценианского вида склонились над ним. Все трое были в очень странной одежде – каких-то причудливых, с гермошлемами, зеленоватых комбинезонах, внешне ничем не отличавшихся один от другого.

Однако различия существовали между самими владельцами комбинезонов. Кожа на лице одного из них была тёмного цвета, у второго были узкие глаза и более полноватое лицо и фигура, а третий на их фоне казался каким-то особенно бледным. При этом у всех троих чудовищ над глазами имелась шерсть, а у третьего она была и вокруг розового рта.

– Уоллес, введите дополнительную дозу обезболивающего, – не отрывая взгляда от Микая, жуткое существо с наиболее светлой кожей поводило перед глазами ценианца продолговатым серебристым предметом, внешне напоминающим какой-то причудливый фонарик. – Взгляд осмысленный. Наркоз переносит нормально.

Микай не понял ни единого слова из сказанного, да и непривычные звуки в большей степени напоминали какой-то странный шум, нежели осмысленную речь.

Существо с тёмной кожей ненадолго удалилось от операционного стола, но вскоре появилось вновь, удерживая в руке серебристый предмет, напоминающий инъекционный пистолет. Не в силах озвучить внутренний крик, Аренали продолжал беспомощно следить за происходящим.

Осторожно, будто бы опасаясь укуса, темнокожий склонился над Микаем, словно над диким животным, протянув к нему свой пыточный инструмент.

– Ну же, Уоллес, смелее. Это всего лишь укол обезболивающего. В самом деле, я же не заставляю вас самостоятельно проводить надрезы и пересадку ганглия, – снова подало голос существо с бледной кожей.

– Мне просто это всё в новинку, Док. Теорию я, конечно, изучал, практиковался на виртуальных моделях, и много раз, но тут... – запинаясь, промолвил темнокожий.

– Уоллес! – повысил голос светлый пришелец.

Зафиксировав одно из многочисленных щупалец Микая своим непривычным отростком, инопланетянин резко произвёл укол, впрыснув какую-то дрянь.

«Гады! Сволочи! Твари! Уроды!» – со злостью и ужасом всматриваясь в отвратительные хари инопланетных чудовищ, подумал про себя Аренали.

– Хорошо... Кацумото – введите объекту новую партию нанозондов и приступайте к процессу сканирования. Я уже передал информацию с прошлой матрицы в штаб, ребята сейчас изучают, – удовлетворённо кивнув, бледный поднёс к Микаю какую-то белую трубку. – Группа Аддерли, как обычно, удружила, нечего сказать. Столько возни теперь по наши души.

Секундная вспышка, синий луч, лёгкий надрез, устройство, достающее, к немалому удивлению Микая, какую-то инородную фигню из его тела...

...Следом – водрузили уже другую.

«Боже, за что?! Где я?! Что со мной?! Это сон?! Это какой-то кошмар?! Мне всё это снится?! – судорожно мечась, мысли сбивали друг друга, оккупировав сознание. – Я где... Я что... В аду? Или где?! Или как?! Что это за твари?! Что за чудовища?! Хочу домой. Прочь отсюда. Домой! Это всё настойка на колючках. Больше никогда не буду пить. Честно. Сейчас закрою глаза – и всё это исчезнет. Ну, пожалуйста! Лишь бы уйти отсюда навсегда! И никогда не возвращаться!».

– Ладно, Кацумото, зашивайте, – кивнул бледный вожак, после чего узкоглазый толстяк приблизился, посветив над Микаем каким-то согревающим фонариком, в свете которого словно бы виднелись целые скопления атомарных существ.

Раны рубцевались, затягиваясь плёнкой буквально на глазах, и менее чем за минуту уже ничего не говорило о том, что недавно над ценианцем проводилась сложнейшая хирургическая операция.

– Запись номер «одна тысяча восемьсот тридцать восьмая», – обернувшись к каким-то настенным экранам, промолвил бледный. – Первый день эксперимента номер «девять тысяч двенадцать дельта тау тау». Экспедиционный Корпус Института Объединённых Планетарных Исследований, экспедиция доктора ксенобиологических наук кафедры альтернативной биохимии Института Объединённых Планетарных Исследований, профессора Константина Леонова. Рассмотренный нами образец под кодовым названием «три дельта три» обладает всеми искусственно привитыми на стадиях предшествующих поколений признаками...

Пришелец продолжал извергать в пространство непонятные странные звуки, в то время как Микай осторожно принялся осматриваться. Помещение операционной было светлым, просторным, изобиловало какой-то техникой непонятного предназначения. На одной стене находилось огромное количество мерцающих экранов, в подавляющей массе демонстрировавших соплеменников Микая, по всей видимости погружённых в состояние искусственного сна. Другие экраны транслировали разнообразные, но вполне узнаваемые виды животных и растений, населявших Цению. Третьи отображали какие-то помещения, приборы, устройства...

Но один из великого множества экранов, открывавший панораму над знакомым пескоходом, вскоре привлёк особое внимание ценианца.

Поначалу неторопливо – изображение начало меняться: и вот, уже в следующие несколько мгновений, экран заполнила Цения. Вид родного мира с борта инопланетного корабля одновременно вызывал восторг и, в большей степени, навевал страх и тоску.

Инопланетный летательный аппарат начал плавно переходить на вторую космическую скорость, в то время как родная планета, к пушечному ужасу Микая, стремительно отдалялась, становясь всё меньше и меньше.

И в какой-то миг она сделалась похожей на лицо опечаленной матери, надолго прощавшейся с сыном...

– Krii taa bu palla, krii taa vu palla, krii en tu di ramoto – krii taa bu palla, – сквозь пелену головной боли пробилась знакомая мелодия. Казалось, минули века с той поры, как она прозвучала в последний раз.

Разомкнув веки, Микай Аренали проморгался, восстанавливая ясность взгляда. Так, он по-прежнему находится в собственном пескоходе. Играет музыка. Он на пустыре. Всё тихо и спокойно.

Значит ли это, что всё случившееся лишь ему померещилось? Конечно же, дурной сон. Просто – дурной сон. Не более. Выпил, переживал песчаную бурю, сморил сон, вот и привиделась всякая чушь на нетрезвую голову.

Хотя – да ладно там, от одной баночки-то...

Впрочем, голова и в самом деле болела, как минимум, так, как если бы по ней нанесли удар чугунным ломом. Не может же, в самом деле, от настойки колючника так разболеться голова...

Ой, б...!

...Стоп! Свадьба! Который час?! Кошмар!!!

Ключ на старт! Проклятье, уже светло и разгар дня! Вперёд – по газам! Знакомая дорога проносится быстро, грязь и пыль окружают уносящийся вдаль пескоход. Быстрее, быстрее, быстрее! Только бы не опоздать! Но что-то явно было не так. Наверное, Микай ещё не отошёл от странного наваждения. Но, возможно, дело не в этом.

Какие-то странные рекламные щиты вдоль трассы. Это когда ж, интересно, успели?

Какая-то стройка. Новые купольные дома. Интересно. А это ещё что за сооружение? Какой-то комплекс? Ничего не понятно...

Что за? Что это вообще за...

Пескоход неизвестной модели и непривычного дизайна пронёсся навстречу и даже вежливо уступил дорогу колымаге, мигнув фарами. Никогда раньше такого не видел. Откуда он? Что за иномарка?

Трасса вроде бы была знакомой, но город казался намного шире, чем раньше. Раньше – ничего подобного здесь не стояло. Был чистый и голый пустырь, только планировали понастроить всякое подобное. А теперь...

Совершенно неясно. Что это – какой-то розыгрыш? Этот странный летающий утюг, эти странные сооружения? Хотя, кому это всё, спрашивается, к чёрту нужно: наверное, для подобного требуются весьма немалые деньги, а знакомых эксцентричных миллионеров на примете не имелось.

Странно. Очень странно.

Так. Летающий утюг. Паралич. Притягивающий луч. А что было дальше? Что было дальше? Пустота. Память – словно бы отрезало.

Думай, думай, думай...

Ничего. Вообще.

...Ладно, чёрт с ним. Разберёмся потом. Главное – не опоздать на свадьбу. К слову, который сейчас час? Нужно бы разобраться точно.

...Какие-то смутные обрывочные образы, один за другим, всплывали на поверхность из недр сознания – но они не спешили выстраиваться в целостную и ясную картину...

Пескоход резко притормозил, едва не слетев с трассы.

Что?! Что за бред?! Да быть этого не может?! Какой сейчас год?! Какой месяц?! Во время бури оборудование вышло из строя?! Или у них там, на спутнике, что-то опять барахлит...

Нужно будет обязательно обратиться в службу поддержки.

Преодолевая нахлынувшее на него тревожное волнение, Микай Аренали медленно поднял напряжённый взгляд. Уставившись на зеркало заднего вида, он внутренне ожидал увидеть там что угодно: некое отвратительное подобие знакомого лица, глаза чудовища или старика. Но – нет, сегодня он выглядел почти так же, как и вчера: разве что только, пожалуй, стал несколько взвинченным, измождённым.

«Микай, успокойся! Ради всего святого! Кажется, ты – просто начинаешь сходить с ума, – как ни странно – весело и даже несколько успокаивающе отметил про себя ценианец, продолжая анализировать ситуацию и строить возможные версии. – Значит, всё-таки сбой оборудования. Или ты сам вчера влез в бортовой компьютер и напорточил. Что вообще вчера было? Ты ведь ничего не помнишь. Даже автонавигация – и та отказала. Что ты вообще вчера натворил? Ведь ты выпил-то всего ничего. Или это тоже только так показалось? Ведь ты не помнишь, мог и ошибиться. Ты бредишь. Всё, успокойся, пришёл в себя – надо ехать дальше. Зажигание. Газуем. Всё, пошли. А что ты там, спрашивается, ожидал увидеть, в этом своём зеркале? Ты что, правда, решил, что тебя похитили и увезли инопланетяне? Забрали с собой на свою Землю или...»

Микай одёрнул себя. «Земля». Незнакомое слово. Непонятный, бессмысленный набор букв, неожиданно отозвавшийся в сознании. Это что, отголоски памяти или бурно разыгравшееся воображение?

«Всё. Завязывай. Скоро ты женишься – и вот тогда перестанешь забивать себе голову всяческой ерундой. Пора бы уже остепениться. Но, всё-таки, было это или не было? Что угодно думай, как угодно убеждай – но хоть себе-то врать не надо. Так было всё-таки или нет? Наверное, просто померещилось. Кругом об этом все говорят. Отец об этом всё время говорит. А я с детства был восприимчивым. Фантазия разыгралась. Бессознательное – финт выдало. Я читал, что такое иногда бывает. Эзотерики ходят на всякие там сеансы регрессивного гипноза, якобы способствующие личностному росту. Дескать, это поможет увидеть себя в про-

шлой жизни; и прочую такую чушь. А на самом деле – видят то, что сами себе нафантазировали. И воспринимают сознанием и цвета, и вкусы, и запахи. Вот так же и ты – просто очень впечатлительный. И тоже всё это выдумал. Нафантазировал», – удерживая штурвал пескохода, продолжал размышлять про себя Микай.

Попытавшись отвлечься, он нажал на одну из кнопок вещателя, ожидая услышать какую-нибудь новую музыку или передачу.

– А вы тоже иногда замечали, насколько коварны страшные бабы? Они только и ждут, когда вы напьетесь, чтобы с вами проснуться! – задорным тоном возвестил неизвестный диктор, после чего прозвучал записанный гул довольных слушателей. – Спор с женой лишён всякого смысла, потому что в подавляющем большинстве случаев – она окажется права, и лишь изредка – ты будешь во всём виноват! И всё потому, что ей неведомы три простые истины, на которых построено женское счастье. Что за «три простые истины», спросите вы? Во-первых, женщина никогда не должна говорить своему мужчине того, что сказала ей её мать. Во-вторых, женщина никогда не должна говорить своей матери то, что сказал ей её муж. И, в-третьих, женщина никогда и никому не должна рассказывать о том, что происходит в её семье.

«Это ещё что за парень? Что за отстой он несёт? Как это вообще могут слушать? Что, кого-то нового взяли? Переключить это немедленно, – сменив волну в очередной раз, возмущился Микай. – Ну а всё-таки, ты ведь не исключаяешь, что это возможно. Что тебя – на самом деле похитили, продержали в плену и ставили на тебе изуверские опыты? Хотя, почему же я тогда ничего не помню? Нет, конечно, во всех этих фантастических фильмах пришельцы и спецслужбы умели стирать память. Но всё-таки?.. Ладно, что бы они там успели изменить за один день? Хотя, всего этого вчера здесь не было. Но ведь, в самом деле, – не могло же пройти сорок с лишним лет – я бы был уже старым... Или всё-таки могло?»

На смену трассе пришли пейзажи родного города, но...

...Тот ли это был город? Микай притормозил и осмотрелся.

Да быть того не может. С одной стороны, структура улиц, старинные здания, вроде бы как, были прежними и знакомыми.

Но, с другой стороны, некоторые из них здесь больше не стояли, в то время как другие – разительно изменились. Вокруг возникла масса каких-то модных новостроек. Да и вообще всё было каким-то другим, непривычным и странным. Даже пескоходы вокруг ездили какие-то не те.

– Эй, дедуля! А ну-ка уступи дорогу!

– Эй, ну чего встал!

– И где он только откопал такое старьё? На антикварной выставке – не иначе.

– Любите ретро, да?

Объезжавшие водители осматривали заурядный драндулет с таким же изумлением и недоумением, с каким Микай смотрел вслед их причудливым транспортным средствам.

Это ж надо до такого додуматься – должно быть, новомодные пескоходы самой последней модели. Однако они были везде и повсюду. Что-то явно не так. Сознание отказывалось это понимать, принимать и переваривать.

Резко дав по газам, Микай сорвался с места, едва не создав причину для аварии.

– Эй! Смотри, куда прёшь! – выкрикнула какая-то женщина позади.

Приспустив гермошток, Микай Аренали высунул наружу и продемонстрировал ей скрученное в неприличном жесте шупальце, после чего – ещё сильнее дал по газам. Оставалось только радоваться, что Микай не врезался сам и что никто не врезался в него. А также тому, что на таком оживлённом перекрёстке, как ни странно, почему-то не оказалось констебля или камер видеонаблюдения.

«Ну, не могло же всё вот так вот просто взять и разительно измениться за один день! И ведь никакой это не розыгрыш, что бы ты там себе ни напридумывал. Бред. Вот ведь

бред. Ахинея какая-то, – вынужденный признавать окружающую реальность как данность, но не в силах обосновать факт её существования взвешенными логическими аргументами, Микай порождал бурю эмоций. – Ну, ладно, хорошо. Хотя нет, на самом деле – ничего хорошего. Допустим, не один день. Но ведь – и не сорок лет! Что вообще тут творится?! Кто-нибудь может мне объяснить?!»

Глубоко вздыхая, Микай оттер выступившую с лица слизистую массу, продолжая следить за дорогой.

«А может быть, я, на самом деле, так и не очнулся? Может быть, это по-прежнему какой-то бред, и я продолжаю видеть и чувствовать то, что является порождением моего сознания? Осознанным сновидением? Что-то подобное ведь бывало раньше. Правда, это очень стабильная иллюзия. Очень продуманная, чёткая», – осматривая мелькавшие пейзажи, размышлял Аренали.

Места такие родные, но – настолько же незнакомые.

«Так! Позвонить! Вот я вообще даю! С этого же сразу необходимо было начинать!» – взяв щупальцем переговорный ретранслятор, ценианец зашёл в панель быстрого запуска на рабочем дисплее и набрал номер Тирры.

– Набранный Вами номер – не существует, – лишённым эмоций тоном возвестило устройство.

– Эй! То есть как это: «не существует»?! Что это значит, «не существует»?! Вы что там вообще все с ума посходили?! – стукнув по приборной панели, завопил Микай.

Его охватывала паника.

– Так, ладно. Соберись. Возьми себя в руки. Вдо-о-о-ох. Вы-ы-ыдох. Вдо-о-о-ох. Вы-ы-ыдох. Всё. Теперь позвоним маме... Или нет, лучше – позвоним отцу... – набрав номер вновь, Микай застыл в тревожном ожидании.

– Набранный Вами номер – не существует, – всё так же, слово в слово, повторил искусственный безучастный тон.

– Ах, чтоб тебя, железяка! Ну как же! Как это «не существует»?! Что ты такое вообще несёшь, фигня электронная?! – сделав очередной глубокий вдох, Микай набрал номер брата, твёрдо решив для себя, что, если и в этот раз услышит тот же противный голос, после этого раздолбает бортовые системы ко всем...

– Привет. Это – Каяял Аренали. В данный момент меня нет дома, либо я крепко сплю, или мне просто лень вам ответить. В любом случае – Вам следует оставить сообщение на автоответчик, а я отвечу, как только смогу, – солидным, но вместе с тем довольно-таки дружелюбным тоном немолодого мужчины отозвался незнакомец.

«Это ведь не его голос... – пребывая в полнейшей прострации от услышанного, сбивчиво рассуждал Микай. – Это ведь не его голос! Я ничего уже не понимаю. Где я? Это мой город? Если это шутка – то она очень странная и злая. И она – совершенно не удалась. Хоть бы это и вправду была шутка!...»

Как бы то ни было, сознание отказывалось признавать упрямые факты, но щупальца поворачивали штурвал и нажимали на педали, поворачивая пескоход по проторённой дороге к родному дому.

Что-то было не так. Вернее, всё – было «не так». Даже старый защитный купол – и тот выглядел несколько иначе.

Даже такие, казалось бы, привычные вещи, как водоочистители, энергогенераторы, йодные реакторы, кобальтовые преобразователи, системы рециркуляции, стационарная радарная установка, устройства поддержания внутренней атмосферы, тепличные растения со светодиодами и гараж во внутреннем дворе – неожиданно вдруг стали какими-то другими. Вроде бы и своё, но в то же самое время – словно бы и какое-то чужое.

Несколько раз Микай с сомнением проезжал мимо предполагаемого отчего дома, оглядывая окрестную территорию. Казалось бы, привычная улица, знакомые повороты, неизменные из века в век характерные признаки – всё говорило о том, что это – то самое место, в котором Микай Аренали провёл свои сознательные годы: детство, отрочество и юность. Вот там – они с младшим братом помогали матери в садах гидропоники, присматривая за аппаратурой, которая добывала доступную для рециркуляции воду из грунта. Благо – это было не очень трудно: всем занималась автоматика, а от детей требовалось лишь задавать основные команды и отслеживать их правильное выполнение, что совсем не требовало наличия каких-либо особых знаний или талантов. Правда – чаще они просто бегали там и бесились.

Младший – очень любил петь в парниках. Вернее, правильнее будет сказать, что он ДУМАЛ, что пел, в то время как добровольно слушать ЭТО – было выше всяких сил. Впрочем, их родители были совсем не против: звукоизоляция в теплице была отменная, а дополнительная вибрация только способствовала скорейшему росту растений. Из этих же самых соображений мать даже музыку там включала, когда уходила.

Да, что ни говори – хорошее было время...

Вот там вот...

Не здесь, чуть правее – за теплицами в гараже (который отец почему-то любил называть «доками для переоснащения») помимо отцовского пескохода ещё располагались велогенераторы для всей семьи, одинаково полезные как в быту, так и для поддержания спортивной формы.

А ещё – там же располагался киберментальный тренажёр для обучения навыкам вождения. Честно говоря, Микай никогда не зарабатывал на нём максимальных баллов, но, тем не менее, в реальной обстановке водил, как ни странно, лучше.

...На этом самом перекрёстке он когда-то впервые поцеловался с Тиррой, когда она попросила подвезти её до дома. На этом же самом месте, чуть позднее, – он сделал ей предложение.

Вот и старая беседка – несколько другая, но, так или иначе, всё ещё узнаваемая: иногда они сидели там вечером всей семьёй, ужинали и – смотрели на звёзды.

В этот самый миг в памяти резко всплыл образ пьяного отца, который однажды, разоткровенничавшись, сидел на этом самом месте и разговаривал не столько с сыном, сколько с самим собою.

– Звёзды, – заплетаясь, произносил он в сотый раз свою излюбленную тираду, удерживая стакан трясущимися пальцами. – Когда-то, когда я был примерно в твоём возрасте, я часто глядел на них и задавался вопросом: а есть ли там жизнь? Ну, пожалуй, все так когда-нибудь думали: не я первый, и не я – последний. Сейчас же – я думаю совершенно по-другому. Я смотрю на них и думаю, что уж лучше бы её там и не было!

Потом – он пропускал тот стакан, который держал, затем – и другой, а следом – начинал по кругу пересказывать свою излюбленную историю о том, как его некогда похитили «бледные розовокожие создания с четырьмя различными конечностями и густой шерстью на голове», после чего проводили на нём всевозможные жуткие опыты.

При этом, что было характерно для папы, тема-то каждый раз оставалась одна, но вот детали со временем, в свете выпитого, могли и меняться.

То он божился и утверждал, что пришельцы прилетели с какой-то там Венеры, то – с Марса, порождённого больным сознанием старого алкоголика, то – вообще с Луны, а то – ещё с какой-нибудь жуткой планеты с таким же невыговариваемым названием.

С одной стороны, большинство из того, что отец нёс в ту пору, – тогда (да и сейчас) казалось невразумительной ахинеей. Но, впрочем, с другой стороны – а как тут теперь ему не будешь верить? Всё-таки, как минимум, можно его понять и извиниться за то, что не проникся сразу...

В общем, всё вокруг навевало воспоминания, но вместе с тем защитные купола и дома соседей были какие-то другие, появилась масса каких-то непонятных построек и вещей, предназначение которых Микай не решился бы угадать.

Весь родной любимый город, как и отчий дом, – каким-то непостижимым образом изменился почти до неузнаваемости. Какие-то старые знакомые черты, безусловно, ещё в нём проглядывали, но, вместе с тем, они совершенно блекли на фоне многочисленных нововведений.

– Приобретайте новый двигатель с лазерным зажиганием и дополнительным топливным баком: акция действует до конца текущего года. Приобретая один, вы получаете сразу два по цене одного! – вещало одно из нескольких информационных табло, глядевших во все четыре стороны под защитным куполом посередине дороги, зомбируя обитателей окрестных домов.

– ...Как правило, употребляя в повседневной речи термин «страх», мы подразумеваем под ним нечто обязательно негативное, вредоносное. Тем не менее, как и в случае с «комплексам», о чём мы говорили в прошлый раз, – это не так. Разделяют такие виды страха как стенический, нормостенический и – астенический, – размеренным тоном, со знанием дела, просвещал другой диктор. – И если один из них – парализует всяческую моторику, второй – снижает качества индивидуума, оставляя за ним возможность действовать, то третий – мобилизует силы, позволяя максимально сосредоточиться на устранении возникшей сложности...

– ...Толпа демонстрантов сегодня забросала личный транспорт господина вице-спикера камнями и палками. Напомним, что это связано с недавно принятым актом, фактически наделившим конгрессменов надзаконным положением. Согласно последним данным, к данной акции причастны активисты Фронта Народной Свободы, опальный лидер которых – Кайлих Шитаари – на днях выложил в сеть видеообъявление, в котором заочно приговаривает к казни всю правящую элиту... – по-деловому бегло зачитала молодая ведущая основного канала новостей.

– ...И сказал Творец: облакая совершенные идеи свои – несовершенной материей, дабы, преодолев себя, – могли вернуться ко мне обновлёнными! – проповедовал блаженный с четвёртого экрана.

– ...Приобретите по договорной цене... Ключ к решению Ваших проблем... Отправив кабинет министров... В адское пекло... Только сейчас... Развивая свои морально-волевые качества... Лидеры оппозиции требуют... Духовного просветления... В подарок! – заглушая друг друга, сливались слова дикторов телевидения.

«Кошмар. Просто – крошечный Ад. Куда я вообще попал? Кто-нибудь может дать мне ответ? Это что, другое измерение? Другой мир? Другая планета? Другая эпоха? Пятый угол? Изнанка материи? А где же тогда мой? Мне здесь не нравится. Кто-нибудь, заберите меня отсюда! Заберите меня домой! К родителям и брату! К Тирре!» – припарковав пескоход напротив дома (или, во всяком случае, постройки, территориально подходившей под памятные критерии), Микай завалился вперёд, обессилено постучав головой по штурвалу. У него начиналась истерика.

Ему казалось, что, если он просто сошёл с ума и всё это – бред и сон, подобный поворот устроит его куда больше загадочных и жутких альтернатив. Но, с другой стороны, он не мог выбирать: ему оставалось лишь только надеяться.

Микай не знал, сколько времени он так просидел, не решаясь совершить какое-либо первое действие, пока бибиканье и миганье одной из сигнальных секций дисплея не возвестило о начале новой надвигающейся песчаной бури.

Но вместе с тем возникло и настойчиво входящее сообщение, исходившее в пределах охватываемого (более чем скромными возможностями бортового радара) диапазона.

Не особенно вникая в то, что в данный момент происходит, Микай решил принять входящий вызов.

– Эй, вы! Да, вы! Я уже прилично так за вами наблюдаю. Всё носитесь по району, круги выписываете. Вы, наверное, заблудились? Кого-нибудь здесь ищите? Может быть, я смогу вам помочь? Я – в доме напротив, вы заезжайте ко мне во двор, необходимо переждать бурю. Синоптики сообщают – вот-вот начнётся! – визуальное изображение не воспроизводилось по причине каких-то помех, но звук шёл относительно стабильно, и голос казался несколько знакомым. – Вы только не подумайте, я ничего вам не навязываю, просто, как я вижу, вы заблудились, а как долго вам придётся там так проторчать – одному Богу известно...

С одной стороны, далеко не каждый отважился бы предлагать подозрительным незнакомцам переждать бурю у себя во дворе.

С другой – сколько бы ни говорили о падении нравов, развращении общества и прочих традиционных напастях, но порядочность и гуманизм – также были неискоренимы, и всегда находился кто-нибудь, помогавший окружающим безо всякой выгоды для себя, даже не ставя себе подобное поведение в заслуги: просто образ жизни.

«Чей же это голос? Вроде бы, слышал где-то... А вроде бы – и нет. Ладно, посмотрим, что там и как», – поразмыслив пару секунд, Микай нажал на одну из кнопок панели, ответив:

– Благодарю вас, буду очень признателен. Да, здесь погода действительно портится. Я, кажется, в самом деле заблудился. Вы не подскажете, где здесь находится дом Аренали?

Всматриваясь в бегущие полосы неровных помех, Микай ожидал услышать хоть какое-либо подтверждение тем или иным самым смелым догадкам. В конце концов, даже если он просто рехнулся, – это и то вносит некоторую ясность. Неизвестность – пугает.

Многие, знай они наверняка, что, скажем, точно и неминуемо угодят в Ад, – боялись бы в меньшей степени, чем терзая себя сомнениями о существовании Бога, загробной жизни и собственной праведности.

Некоторое время – молчание собеседника затягивалось, в то время как датчики повсюду начали упреждающе сигнализировать, но, в итоге, мужчина уточнил:

– Дом Аренали? А вы, простите, к кому и зачем?

– По личному вопросу. Я помню, что раньше здесь был их дом. Но – я уже ни в чём не уверен... А вы, простите... – тщетно вглядываясь в помехи на дисплее, поинтересовался в ответ Микай.

– Да, это – дом Аренали. А я – его владелец. И другие Аренали тут не живут... Простите, но вы так и не ответили мне. Мне кажется, я где-то раньше слышал ваш голос... – по экрану прошла очередная рябь, и в этот момент, в перерыве между помехами, собеседники сумели разглядеть друг друга.

Первое мгновение Микаю показалось, что он увидел своего отца, но вскоре, приглядевшись, он осознал, что ошибся. Те же черты, тот же взгляд – но старость потихонечку взяла своё...

– М-микай?! – словно бы увидев привидение, собеседник выронил из щупальца какой-то предмет, который звучно ударился о пол.

– Ка-я-ял?! – не менее ошарашено произнёс Микай.

Братья молчали, не в силах обрести дар речи, а налетевшая буря скрыла улицу из вида...

– Микай, – в который уже раз прикоснувшись к внезапно вернувшемуся брату, произнёс Каяял, продолжая наблюдать за ним неверящим взглядом.

Легко, едва ощутимо коснувшись его щупальцем, – он тотчас же отдернул его, словно опасаясь, что Микай рассыплется в прах и разлетится по ветру, подобно песчаной буре.

«Я всё ещё не могу поверить. Как такое могло случиться? Почему со мной? Почему я?!» – держась за голову, Микай ловко поднял со стола небольшую бутылку с новомодной этикеткой и, потрясая оставшейся третью содержимого, сделал глоток. О чём тотчас же пожалел.

– Что это за дрянь? Как ты только можешь такое пить? – отложив бутылку, ценианец обвил щупальцами стул, ткнувшись головой в столешницу.

– «Фейрверк под ураганом». Дорогая штука, к слову, – убирая бутылку от греха подальше, заметил Каяял. Ему по-прежнему не верилось, что перед ним действительно находится не шарлатан, решивший жестоко разыграть старика, не плод его больного воображения, развившийся на почве старческого маразма, а самый настоящий Микай Аренали. Старший брат, бесследно пропавший в канун собственной свадьбы, а ныне явившийся, не состарившись и на день, – несмотря на бившую в нём биологическую молодость, казался мрачным и безжизненным, как высохший куст колючника.

– Значит, меня действительно не было сорок лет? – снова спросил Микай, прекрасно зная ответ, который так и не укладывался у него в голове.

– Да. Теперь здесь многое изменилось, стало по-другому. Иначе, чем ты помнишь... – сострадательно начал Каяял, собираясь задать встречный вопрос, в то время как Микай его перебил.

– И ты теперь, значит, живёшь здесь один. А что с родителями? Ты с ними видишься? Я... – Микай запнулся.

«Чёрт, это так странно – смотреть на младшего брата и понимать, что с виду он годится тебе в отцы. Поначалу я принял тебя за папу», – мысли бегали, путались, и Микай ощущал, что если до сих пор он на самом деле не съехал с катушек, то рано или поздно это произойдёт. И скорее – рано.

– Микай... Сорок лет прошло. В тот день, когда ты неожиданно исчез, – мы все норы тут облазили, сбились тебя искать. Уже как угодно – живым, мёртвым... Видел бы ты, как плакала мать. Тирра тоже не находила покоя, подняла на уши всех своих подруг, знакомых. Но всё было напрасно. Ни следа, ничего – след колёс обрывался посреди дороги, буря ещё не успела их замести, а дальше не было ни тебя, ни пескохода – словно сквозь землю провалились и ты, и он, – неторопливо и осторожно начал Каяял, и было видно, что слова давались ему нелегко. – От всего пережитого... В общем... Матушка начала сдавать на нервах, стареть за неделю, как за год, а потом и вовсе...

Мужчина промолчал, поскольку, вернувшись к далёким событиям тех дней, он разбередил старые раны; и теперь некогда потухшая боль возвращалась с возрастающей силой.

– Отец – начал много пить, – всё-таки отыскав в себе силы продолжить, выдавил из себя Каяял, с усилием подавляя в себе внутренний плач. – Намного больше, чем обычно. Он всё время твердил: «Они забрали его, они забрали его»... Наконец – он просто спился, а я, так сказать, – пошёл по его стопам. Я уже не знал, что думать, ради чего жить и во что верить. Залез в бутылку да и оставался на дне, пока товарищи не вправили, наконец, мозги и не вытащили...

Прервавшись, мужчина поднял полный горя и невыплаканных слёз взгляд на брата, ожидая от него любой реакции после услышанного, но тот, казалось, находился сейчас не здесь, его разум блуждал где-то вдалеке...

Микай был в шоке. Он не воспринимал окружающее, не верил, что сказанное происходило взаправду и имеет какое-либо отношение к нему. Потерянный, он уставился в одну точку невидящим взглядом и слушал молча, не перебивая.

– Женщина – это как вещатель. Бывают хорошие передачи, но чаще – хочется просто выключить. Рано или поздно – в жизни почти каждой женщины возникают два главных вопроса или, во всяком случае, хотя бы один из них: «Зачем я за него выходила?!» и «Почему я за него не вышла?!». Чего же хотят женщины на самом деле – неизвестно даже им самим. Зато – это известно мне. Многие из вас могут думать, что главная мечта любой женщины – это найти хорошего парня, но нет – вы глубоко ошибаетесь. Главная мечта любой женщины – это жрать и не поправляться! Да, что ни говори, но женщины – удивительные существа: одна – даёт тебе жизнь, другая – портит, а третья – отнимает. Впрочем, дорогие мои, не так всё плохо: недавно вот я не поленился и взял несколько уроков по игре в большой теннис. И что бы вы думали? После этого я понял, что содержать любовницу – намного проще и дешевле, – в момент заты-

нувшегося молчания неуместный галдёж популярного ведущего был сопровождён не менее неуместным в такой трагический момент смехом.

– Выключи, – наконец подал голос Микай. Словно очнувшись, Каяял нажал на кнопку пульта, отключая вещатель.

– Так, значит, родителей здесь сейчас нет. И – уже давно, – растягивая слова, отметил вслух Микай. – А что с Тиррой?

– Наши внуки ходят в один класс, – уже чуть спокойнее ответил ему братец. – Ну, сам посуди: ты – пропал, она – долго, честно погоревала, выстрадала. Но жизнь-то идёт. Не могла же она, в конце-то концов, дожидаться тебя сорок лет.

Микай болезненно поморщился: за первым ударом, без перерыва, следовал и второй. Разумеется, если мыслить логически, это не казалось уже неожиданностью. Однако же, по ощущениям – для Микая прошёл всего лишь один день, и сегодня он – жених, спешащий на свадьбу.

Вплоть до последних минут он ловил себя на том, что продолжает отсчитывать часы, которые у него остались, для того чтобы «не опоздать» к началу церемонии своего бракосочетания.

– Значит, внуки в один класс ходят... – произнёс он с затаённой злобой в тихом голосе.

– Тирры тоже больше нет с нами. Несчастный случай на трассе. Уже года три или четыре назад. Точно даже и не вспомню. Склероз. То, что было в молодости, – помню лучше, чем то, что ел сегодня на завтрак, – кашлянув, Каяял придвинулся ближе, осторожно положив одно из своих щупалец поверх щупалец брата, пытаясь его приободрить, а заодно и понять, на кого именно направлена его злоба.

На него? На себя? На похитителей? На обстоятельства? На родителей? На Тирру? Или – на всех и сразу?

В этот самый момент, поначалу тихо, но постепенно повышая голос, – Микай рассмеялся. Громко, безудержно, истерично, а следом, так же резко, он согнулся и зарыдал.

«Это другой мир. Это другое измерение. Это не мой дом. Не моя жизнь. Верните меня. Пустите меня обратно. Верните мне мою маму. Верните мою любимую. Верните моего отца. Верните мою жизнь. Верните её!» – кислотные слёзы ручьём стекали из глаз и, сорвавшись, падали, с шипением и дымом прожигая пол. Работа, родные, свадьба, любимая – всё, что было ему дорого, всё, ради чего стоило жить, – было вырвано под корень, словно непрочитанные страницы из книги жизни.

Образы матери, такой заботливой и бесконечно доброй; отца, пусть и выпивавшего, и позорившего семью, но всё-таки любящего и родного; Тирры, с которой он был готов, как поётся в балладах, «состариться и умереть в один день»; любимая работа, друзья, семья – всё словно бы отдалялось и таяло в туманной дымке, в то время как он тщетно протягивал свои щупальца им навстречу.

«Любимые мои... Хорошие... Прошу... Молю! Вернитесь! Мне ведь вас так не хватает!» – мир вокруг плыл, тело сотрясалось от истерических судорог.

Всё, во имя чего стоило жить, – сожжено, разорвано, разбито вдребезги без возможности склеить. Зачем? Ради чего? Кто даст ответ...

Микай Аренали всегда считал себя сильной личностью, но сейчас он не мог не рыдать. Он никогда не был героем, о котором говорила бы вся округа, не был гением, совершившим в жизни что-нибудь общественно значимое, но он был дорог тем, кто его знал, и был героем хотя бы для них: любящий сын, верный друг, заботливый жених.

И подлецом – он тоже никогда не был. Да, он, как и все, иногда совершал в своей жизни ошибки – но всегда поступал в соответствии с теми принципами, в которые верил.

А теперь – он один. Совсем один. Его лишили всего.

– Тише-тише-тише, я с тобой, – подойдя и крепко обняв брата, промолвил Каяял. Он прекрасно понимал состояние Микая, как и то, что с расспросами следует повременить.

– Они... Они за городом? – всхлипывая, наконец нашёл в себе силы спросить Микай, подразумевая древний крематорий, где в специально отведённых склепах под прозрачными куполами ценианцы веками хранили своих ушедших в специально изготовленных для подобного случая сосудах.

– Да, – правильно истолковав его мысль, кивнул брат. – Если хочешь, я отвезу тебя потом, как уляжется буря.

– Хочу, – кивнул Микай, постепенно возвращаясь к реальности. – Один ты у меня остался. Ну, а сам-то ты как? Жена? Дети? Семья? Про внуков я уже слышал. А чем ты занимался в моё отсутствие?

– Знаешь... Вообще – сложный ты мне задал вопрос. Сразу – и не ответить. Это я про последнее. А так – да, удачно женился. Дети выросли... – Каяял словно подбирал определение, характеризующее своих детей, но, так и не подобрав, просто повторил, уже в качестве законченной мысли: Дети – выросли. Почти не навещают старика. Внуки вот у меня золотые, что да – то да. Самые младшие в школу пока ходят, старшие – уже работают. Один вот, Альретти, как закупит мне всякого добра, приедет, привезёт, установит, холодильник забьёт до отвала.

В тоне постаревшего младшего брата отчётливо прозвучали нотки гордости:

– В технике-то я не особо силен, это к молодым все вопросы, а еды у меня больше чем требуется для одинокого старика. Он иногда начинает мне что-то про свою работу втирать, грузить там всякими «миноритариями», «бросовыми облигациями», «корпоративным шантажом» и «насильственными поглощениями», но только я ничего из этих его слов не понимаю. Иногда я просто открытым текстом прошу его перестать выносить мне мозги, а он и говорит: «Дед, я не выношу тебе мозги, а пытаюсь зачать в них разум». Вконец обнаглела эта молодёжь. Впрочем, что раньше были свои плюсы и свои минусы, что сейчас – спорить об этом примерно то же самое, как рассуждать, кто сильнее – песчаный зверь или кислотная акула... Другой вот внук тоже – ваяет скульптуры в стиле лёгкой наркомании. Одну тут в прихожей держал как вешалку, потом – убрал от греха подальше: кто бы ни приходил, первый раз – все пугались... А так – на жизнь, в принципе, не жалуюсь. Я – состоялся, дети – пристроены. Политикой мало интересуюсь, просто пытаюсь выживать потихонечку... Впрочем, в наши дни «заниматься политикой» и «просто пытаться выжить» – фактически то же самое...

– Рад за тебя, – вытирая слёзы, Микай постарался придать выражению своего лица менее траурный вид – насколько это вообще было возможно в сложившейся ситуации, когда ты узнаёшь, что в одночасье лишился всего и пережил практически всех своих родных. – А в мире что нового происходит?

– В мире... – Каяял серьёзно задумался. – Да как тебе сказать: вроде бы и что-то как-то происходило: изобретали что-то новое, выдумывали разное, кто-то умирал, кто-то рождался, что-то снимали, строили, сносили... А так, чтобы конкретно выделить что-нибудь, что касалось бы нас лично и было важно... Тут уж даже и не знаю. Незаметно так годы подползли, а выделить толком-то и нечего. Может, это просто я уже стар стал, раньше то – от всякой мелочи начинал суетиться. На Ближнем Востоке – кто-то с кем-то опять воюет, у нас здесь – митинги, забастовки, протесты, погромы. Часть народа требует отставки действующего правительства, часть – его поддерживает. Активисты вступают в Фронт Народной Свободы, который клятвенно обещает им после победы – законные три дня мародёрства. Впрочем, многие, как я погляжу, решили не дожидаться. Население – беднеет, чиновники – воруют. В общем, всё то же самое, как и всегда, – разве что шлюх на экране и во власти стало больше, что да – то да. Оно, конечно, и раньше всё было, но – не настолько нагло, открыто и массово. И, во всяком случае, существовала хотя бы какая-то видимость порядка. А сейчас... Эх...

Махнув щупальцем, Каяял вновь подхватил «Фейрверк под ураганом», отхлебнув из горла.

– Значит – стабильность, которую нам обещали, так ещё и не наступила, – Микай вздохнул, побарабанив щупальцем по столу. – Откуда жизнь вышла – туда она и катится.

– Во-во, хорошо сказал, – ставя бутылку на место, согласился брат. – Я потому внучам и говорю: поступайте на юристов. Нефть, рано или поздно, всю выкачают, а права качать в таком бардаке – можно бесконечно.

Какое-то время братья просто молчали. Каждый думал о своём. Наконец, Аренали-младший всё-таки решился нарушить молчание:

– Вот ведь как получается. Я хоть и родился позже, но теперь, вроде как, постарше, получается. Скажи, а как это тебе удалось сохранить такой молодой вид?

Микай глубоко вздохнул и развёл щупальца:

– Если б я только знал. Я лишь смутно помню вчерашний... Ну, день моего похищения. Какие-то обрывочные фрагменты из того, что было потом. А потом раз – и я уже снова здесь. Память – просто как отрезало.

– Они это умеют, – кивнул Каяял, задумчиво заёрзав на своём месте. – Вот ведь как получается: папа всё это время был прав. Но ему – никто так и не поверил. Даже мы...

Неловкое молчание уже снова было готово затянуться, когда он продолжил:

– И что ты собираешься теперь делать?

– Знаешь... – разбитый, опустошённый, Микай не представлял свою дальнейшую жизнь и не видел, есть ли смысл жить вообще, но, несмотря на это, неожиданно для самого себя ответил: Я – собираюсь рассказать правду. Я ведь – не один такой. Должны же быть другие... Не знаю. Учёные, исследователи, жертвы. Я верю, что не у одного меня случилась такая беда. Можно поискать в социальных сетях других похищенных, собраться вместе и рассказать о своих историях другим. Не может же никто не откликнуться.

– И что дальше? – поменяв положение, поинтересовался Каяял.

– Что дальше? Ну... Дальше примут какие-то меры. Чтобы больше ни с кем не повторялось подобное, – несколько неуверенно пояснил Микай, но следом добавил уже более жёстко. – Мы дойдём до властей и потребуем рассказать всем правду! Раскрыть глаза народу! Они, наверное, с ними в сговоре! Ну, с ними, с пришельцами. Эти чёртовы политиканы не могут не знать того, что творится у них прямо под носом.

– Тише, тише, тише... Попридержи пескоход. Я понимаю твоё состояние. Но ты сейчас рассуждаешь просто как ребёнок. Постарайся подумать серьёзно: да, так уж они сейчас возьмут и всем всё выложат? Если власти действительно в сговоре – они просто попросят тебя помалкивать или, если ты будешь слишком настойчивым, – **особо вежливо** попросят заткнуться. Если нет, но просто в курсе – не захотят поднимать панику, но эффект будет тот же. Хотя – тебя могут и просто высмеять, выставить идиотом, игнорировать и не воспринимать всерьёз, как уже многие годы делают со всеми прочими жертвами абдукции... – изложил опасения Каяял.

– Жертвами абдукции? – переспросил Микай.

– Да. Так называются те, кого похищали инопланетяне. «Абдукторы». А само похищение, стало быть, называется «абдукция». Мне отец как-то раз рассказал. А я – как-то случайно возьми – и запомнил, – пояснил брат. – Впрочем, как ни называй – не суть. Возвращаясь к теме. Взять то же телевидение... Ты ведь помнишь, как мы раньше смотрели эти передачи, на которые звал нас отец, когда бывал трезвым? Собирались чудики вроде него, что-то подобное рассказывали, а потом – их высмеивали и воспринимали как идиотов. И действительно – шизофреников и просто любителей дешёвого пиара такие темы всегда притягивали. И тебя, если что, причислят именно к ним.

– Ну, допустим. И что ты предлагаешь? Просто так вот сидеть на заднице и ждать у пустыни бури? – Микая передёрнуло. – В любом случае мне необходимо кое-что узнать. Уяс-

нить. Хотя бы для себя. Хотя бы увидеть, что я не один такой. Найти понимание и единомышленников. Помочь другим, кто встретился с той же проблемой и не нашёл понимания окружающих. Адаптироваться, в конце концов. Я должен вспомнить всё то, что они заблокировали. Ведь есть же всякие техники. Регрессивный гипноз там. Ну, я даже не знаю.

– Это уже можно понять, – согласился Каяял. – Надо будет заглянуть в сеть, спросить у дружка координаты одного доктора. Просто к любому я сейчас не смогу тебя взять и отвести.

– Это ещё почему? – не сразу понял Микай.

– Сам посуди. И вообще, подумай, чем ты в дальнейшем будешь заниматься по жизни. Ты пока ещё, во всяком случае, с виду – молодой? Молодой. Вся жизнь впереди? Впереди. Работа, жена, дом. Не Тирра, значит – другая. Это жизнь, что поделаешь. Если бы, скажем, всё было прозаичнее, – не пришельцы, а, скажем... Ну, не знаю, всякое в жизни бывает... Какой-нибудь несчастный случай. Ты бы нашёл в себе силы жить и бороться? Просто сейчас – документов у тебя нет. Официально тебя, в силу истечения срока давности, уже нет в живых. В крематории стоит пустая амфора. Пойти просто так восстанавливать документы, опровергать и утверждать: «А вы знаете, это мой старший брат, который на самом деле жив и выглядит моложе меня, просто его похищали инопланетяне» – и тогда меня упрячут в дурку, а к тебе возникнут вопросы. Усыновить тебя, чтоб смог дом унаследовать? Так документы нужны опять же – без них ни на работу, никуда тебя не устроить. Ладно, я тебя за своего признал, но ни дети мои, ни внуки тебя же в глаза не видели, решат – совсем старый дед из ума выжил, и погонят тебя кочергой. В общем, придётся сделать тебе липовые документы и что-нибудь выдумать – хотя бы на первое время. Угу? – подмигнул Каяял.

– Как же всё сложно. Да, я, действительно, обо всём этом ещё не задумывался, – Микай поник, поскольку к недавнему горю начали добавляться всё новые проблемы и сложности. – Ладно. Ты сегодня кого-нибудь ждёшь?

– Я ведь уже, кажется, говорил: дети меня почти не навещают, внуки – бывают, но – редко. Кому я тут нынче нужен. А что? – Каяял в очередной раз поднял бутылку и выжидающе отхлебнул.

– Да так. Просто, сегодня мне конкретно необходимо нажраться. В хлам. В дрезину. Думаю, я это, как минимум, заслужил. Просто, слишком много всего на меня навалилось. Мне нужно как-нибудь пережить этот день. А уже завтра будем думать, как быть дальше, – уставшим голосом ответил Микай. – У тебя в погребе осталось что-нибудь получше этой бурды, которую ты сейчас выпиваешь?

– Пошли, покажу, – поднявшись с места, предложил ему брат. – Знаешь, я даже, пожалуй, составлю тебе в этом плане компанию. Но я не позволю тебе напиваться, как на поминках.

– В смысле? – собравшийся было идти за ним следом, Микай остановился, с недоумением уставившись на младшего.

– В прямом, – улыбнулся тот. – Я понимаю, что ты сейчас переживаешь шок. Мне тоже тяжело сейчас всё это осознать и принять. И я понимаю, что ты сейчас потерял отца, мать, любимую. Ещё немножечко – и пережил бы меня. Но у меня сегодня – не траурный день. У меня сегодня – праздник. Ведь я – снова обрёл своего единственного брата. Поэтому – я сегодня буду пить за твоё возвращение.

Притянув Микая шупальцами, Каяял обнял его ещё раз, едва не задушив:

– Держись, брат. Что бы с тобой ни случилось – всё уже позади. Теперь – ты дома.

Яркий засасывающий луч. Парящее в небе утюгообразное нечто. Вид родной планеты, отдаляющейся всё дальше, дальше... И трое чудовищ, склонившихся со своими жуткими дьяволическими орудиями пыток над препарированным Микаем.

– Зажим!

– Зажим!

– Скальпель!

- Скальпель!
- Тампон!
- Тампон!

Тихо вскрикнув, Микай очнулся, инстинктивно укрывшись от протянутых в его сторону чужеродных отростков безобразных пришельцев.

...Постепенно их зыбкие образы растаяли в полумраке комнаты. Осознание ситуации возвращалось. Так, дом. Родной дом, родные стены. Кругом разбросаны бутылки. На кушетке кто-то сопит. Каяял. Всё тихо, мирно, спокойно. А главное – никаких чудовищ.

«Даже во сне вы не даёте мне покоя. Твари! Уроды! За что?!» – зло оскалившись, Микай потыкал щупальцами вслепую, пытаясь отыскать непочатую бутылку, чтобы усвинопочдобиться вконец и отрубиться без снов. Таковой не обнаружилось. Зло матюгнувшись, ценианец принялся продвигаться, осторожно перешагивая через пустые бутылки, чтобы ненароком не поскользнуться и не разбудить мирно дремавшего брата. Вот ведь железные нервы – а ведь ему сегодня тоже тяжело досталось: шутка ли, родного брата повстречать спустя целую жизнь. Тем более – при таких обстоятельствах. Тем более – когда его давно считают погибшим.

Пробравшись на кухню, Микай почесал спину и, приблизившись к холодильнику, отворил его. Так, это нам не надо. Это мы не едим. Это – вообще непонятно что.

Из алкоголя был только тот пресловутый «Фейрверк под ураганом».

– Да ты просто меня преследуешь. Ну, так и быть, – придётся допить тебя, раз уж ничего больше нет, – полушутливо пригрозил он, выуживая бутылку из плотно набитого холодильника, стараясь не обрушить следом всё остальное. Но забавно не было даже самому.

«Главное – не сорваться и не уйти в запой. Просто переждать какой-то критический период – и всё. Но не заканчивать, как отец. Мы похожие? Нет, мы разные. Я – сильнее. Я не буду пьянствовать и ныть. Я буду действовать. Я справлюсь. И вообще надо будет показаться доктору, достаточно и того, что от меня уже несёт», – постоая с этими мыслями до тех пор, пока несчастный холодильник не начал требовательно пищать, Микай водрузил бутылку на место и, тихо развернувшись, пошёл обратно.

– Земля – так называется их родная планета, – с естественной уверенностью в голосе поделился Микай. Расслабленный, он лежал на кушетке, свесив щупальца по обе стороны.

Половина кабинета была заставлена аппаратурой, о назначении которой можно было разве что гадать: из знакомого Каяялу здесь присутствовали только компьютер и видеокамера, снимавшая бессознательное откровение Микая.

Стены пестрели журнальными заголовками и газетными вырезками, фотографиями неопознанных летающих объектов и зарисовками всевозможных пришельцев, которые можно было списать на что угодно, от явлений природы до сфабрикованных съёмок и бреда сумасшедших. Вот только довольно часто в этом безумии проглядывала система, а независимые источники, проживавшие в различных регионах Цении в различные эпохи без какой-либо возможности контактировать и влиять друг на друга, – были довольно схожи в своих описаниях.

Виды пришельцев отличались, но чаще всего это были розовокожие шерстеголовые создания с двумя верхними и двумя нижними конечностями, двумя глазами, высокие и безобразные.

Знаки на полях, таинственные мистические иероглифы, такие как «**Цой – жив!**», «**Здесь был Жора**», «**Объект исследований №433**»... Что это? Тайные послания? Привет от внециенийских цивилизаций? Кто и что пытается до нас донести?

Крупный плакат с изображением неопознанного летающего объекта утюгообразной формы на фоне поля с замысловатыми иероглифами «**Цой – жив!**» сопровождался надписью «**Я ХОЧУ ПОВЕРИТЬ!**».

– Очень хорошо. Микай, опишите нам, как она выглядит, – задумчиво расхаживая вдоль комнаты, поинтересовался доктор Йоррен Таррен – широко известный в узких кругах специа-

лист по теории палеоконтакта, применению регрессивного гипноза и неортодоксальных методов в медицине, заслуживший среди коллег обидное прозвище «фуфлог».

– Она... – казалось, Микай слегка напрягся, будто бы всматривался во что-то сквозь закрытые глаза. – Вся такого безмятежно синего цвета. Возможно, даже голубого. И вода – она там просто повсюду. Её так много, что издалека суша не так заметна.

Каяял вздохнул, скептически покривившись. Нет, конечно, в целом он верил Микаю, да и не находил других правдоподобных объяснений его внезапному исчезновению и неожиданному появлению – тем более в свете постоянно травимых отцовских баек. Но, вместе с тем, порой у него складывалось впечатление, что тот что-либо путает, либо преувеличивает.

Целая планета, покрытая водой? Это уж слишком. Просто каноническое описание рая. Возможно, сознание не разделяет фантазию с реальными воспоминаниями и он перепутал реалии и вымысел, ведь не может такого быть, просто потому, что быть не может. Сейчас, всё-таки, не Каменный Век, наука далеко продвинулась, космос регулярно прослушивается, ищут сигналы, получают снимки далёких звёзд и планет. Поблизости, конечно, помимо газовых гигантов, безжизненных пустынных миров и лун с кратеризированной поверхностью даже встречаются планеты с разряженной атмосферой и слабым магнитным полем, на которых встречается вода, но и то – в виде белого льда. На Цении же – с водой дела обстоят довольно-таки дефицитно, хотя спасают продуманные системы рециркуляции и обработки. А ведь когда-то, согласно мифам, легендам да и более поздним исследованиям, – она здесь была. Пока климат не изменился. Учёные полагают, что жизнь, независимо от того, была ли она занесена астероидом извне или сложилась изначально тут, ещё до Великой Засухи, возникла не в морях, как полагалось ранее, а скорее в относительно небольших водоёмах, вроде горячих гейзеров. Ну, или как-то так – точнее Каяял сейчас не припомнил бы.

– Так значит, эти создания обитают там. Именно на Земле? – совершенно серьёзным тоном, чиркая какие-то заметки в своём блокноте, поинтересовался доктор.

– Не только. Люди... Ну, так они себя называют. Иногда и по-другому: человечество, человеки... Они давно освоили не только собственную звёздную систему, но и многие другие миры – уже за её пределами. А Земля – имеет для них особенное значение. Потому что это их дом. Их родина, – всё так же уверенно и чётко продолжал отвечать Микай, не размыкая век.

– Кхм... Интересно, – кивнул Йоррен, продолжая интересоваться. – И вы там были?

– Нет. Но мне просто показывали её. И на экране, в записях, и телепатически. Некоторые из них общались со мной мысленно. Иногда – устной речью. Когда как, – отвечая на вопросы доктора, Аренали-старший всё ещё пребывал в гипнотическом трансе.

– А какие ещё миры и планеты они вам показывали? – остановившись, Таррен прекратил своё монотонное блуждание туда-сюда и, наконец, приземлился поверх шарообразного кресла, обвив его щупальцами, удерживая лишь блокнот и карандаш перед глазами.

– Разные...

– Ну, например?

– Они показывали мне Марс. Такой большой, цветущий. Луну. Венеру. Титан. Многие, разные.

– И – на каждой из них обитают люди?

– Да. Ну-у...

– Что, «ну»?

– Не только люди. Там живут и другие создания. Где-то – их даже больше, хотя коренным населением уже многие века считаются люди.

– Как интересно. И кто же эти «другие»?

– Их очень много. Все разные. Некоторых – я видел только мельком. Других – намного чаще. Про третьих – только слышал и ничего толком сказать не могу. А с некоторыми – я даже общался.

– Вы понимали, о чём они говорят?

– Иногда.

– Объяснитесь?

– Иногда они обращались прямо ко мне – некоторые знали наш язык, хотя и объяснялись иногда с большим трудом. Другие же – передавали мне что-то мысленно, также рылись в моём сознании, передавали и принимали картинки. Также – они могли общаться между собой на языках, которых я не знал.

– И о чём же они спрашивали вас?

– О многом. О разном. Всё я уже и не перечислю.

– Но хоть примерно.

– Они расспрашивали меня о доме, о жизни, о нашей культуре, о нашей вере, о семье, о родителях, о друзьях, близких – словом, обо всём. Даже о самом простом или интимном. Спрашивали, как я себя чувствую, как на что-то реагирую, что понял с их слов.

– А вы задавали им вопросы?

– Конечно. Я спрашивал, куда мы летим, зачем меня похитили, кто они такие, чем они занимаются, когда я увижу своих родных, и многое другое.

– И что они вам отвечали?

– Иногда – игнорировали. Иногда говорили что «скоро» или что это зависит от моих ответов и поведения, если я буду им помогать. По их словам, много веков назад они первыми обнаружили нашу планету, а позднее – галактическая общественность позволила им первым начать изучение нашей системы в рамках программы их коллективных исследований. Здесь бывали и работали представители других рас – как их коллеги, так и другие, прилетавшие с более корыстными намерениями: те, кто похищал ценителей и наши вещи для продажи на чёрном рынке или противозаконных исследований, устраивал у нас сафари и прочее в таком роде. Департамент Галактической Безопасности, по мере возможности, выявлял и пресекал подобные вещи, но, по возможности, люди пытались сами разобраться на месте.

– И как давно они нас посещают?

– Очень долго. На протяжении всей нашей обозримой культуры, и даже ранее. Они несут здесь вахту, сменяют друг друга. У них есть базы на Цении и на других планетах в нашей системе. Есть те, кто знает об их существовании и сотрудничает с ними. Они повлияли на наши языки, быт, культуру, науку, религии. Прямо не вмешиваются, но пытаются сглаживать острые углы, следить и изучать. Оставлять право определять собственную историю, принимать самостоятельное решение, делать собственный выбор. Наши научные достижения – не все, конечно, но многие – пришли к нам от них. Но сами они не имеют права давать другим такие технологии, до которых местные не доросли. Они скорее намекнут, в каком ключе проводить исследования.

– А почему бы им прямо не взять и не вступить с нами в контакт? К чему вся эта конспирация?

– Одно из условий. Иначе – они могли бы просто захватить планету и начать колонизировать, даже не спрашивая нашего мнения, да и много кто захотел бы, но – у них тоже существуют свои законы и правила. Вроде того, как наши страны, скажем, получают формальный повод для нападения на соседа, если тот просто так придёт и сгонит племена дикарей с их исторической среды обитания. Раньше – в Галактике было немного развитых цивилизаций, они находились друг от друга относительно далеко и практически не контактировали. Тогда – они могли позволить себе многое: свободно занимать и колонизировать всё, что видели, даже если планеты уже были населены другими формами жизни, которые либо истреблялись, либо переделывались под нужды захватчиков и использовались. Но потом – подтянулись и другие, были сделаны новые открытия. Чем больше империи – тем сложнее ими управлять. Колонии – начинают требовать независимости, возникают свои планетарные правительства. Так же, в своё

время, Марс и другие планеты людей объявили свою независимость от Земли и вели с ней войны. У них тоже – разные языки, разные обычаи, разная внешность – даже в пределах одной расы. Когда цивилизации начали сталкиваться чаще, – появились различные враги и союзники, общие интересы и конфликты из-за власти, новых территорий, ресурсов или идеологии. После периода долгих захватнических войн в конце концов они создали Пангалактический Альянс, который составил Галактический Кодекс, для того чтобы упорядочить царивший в Галактике хаос, и назначили Департамент Галактической Безопасности, который должен следить за соблюдением Кодекса и отчитываться непосредственно перед Консультативным Советом. Они следят за тем, чтобы в ходе войн не применялось то или иное оружие, соблюдались те или иные правила – в первую очередь, чтобы локальные конфликты не затрагивали общих интересов и не имели необратимых последствий. Следят за тем, чтобы не использовались некоторые технологии, чтобы не колонизировали и не захватывали системы, где есть коренное население, ну, и многое другое...

– А для чего они всё это вам рассказывали?

– Обучали. Они – всегда на всякий случай отбирают представителей вида, образцы растений и животных, для того чтобы иметь, скажем так, «резервные копии» про запас, если на планете произойдёт какой-нибудь катаклизм. Создают, как они говорят, «внешние поселения». Но для того чтобы животные, растения и разумные существа могли обитать на другой планете, к этому их необходимо постепенно адаптировать. В ходе исследований это иногда делается на протяжении многих поколений, поэтому они систематически похищают представителей одного и того же рода, неоднократно похищают одних и тех же испытуемых.

– И вас они тоже готовили для такого места?

– Да. Но я не хотел там оставаться. Категорически. Они долго спорили – решение о чьём-либо возврате не принимается единолично и по желанию крайнего щупальца. Пока снаряжают экспедицию, дадут добро, если дадут – нужно время. Не всех отпускают – просто, что требовалось – они от меня узнали, а особой ценности я для них не представлял: умом – не блещу, талантами особыми – не владею. Разве что схватывал на лету, но там таких – много.

– Но почему вы так молодо выглядите?

– Особенности содержания. Сперва я длительное время находился у них в стазисе, пока меня исследовали. Затем – меня пичкали всевозможными препаратами, проводили различного рода операции...

– Кхм. Вы знаете, я внимательно изучил результаты ваших анализов и не выявил в них ничего экстраординарного. Нормальный молодой здоровый мужчина.

– Док, наша медицина и техника просто ещё не так далеко шагнули, чтобы это выявить. Они запускают в организм биониты – это такие нанороботы из органического материала, которым задаётся та или иная команда. Могут убить, а могут и вылечить, смотря какая задача. Вот они-то усиливали свойства и поддерживали меня в форме. Теперь – их просто отключили и вывели. Меня предупреждали, что информация останется, просто доступ к ней будет заблокирован для моего же блага...

– Так... На первый раз, я думаю, достаточно... Михай, на счёт «три» – вы проснётесь. Один... Два... ТРИ! – скомандовал доктор.

Поначалу казалось, будто бы Аренали-старший его не расслышал, но спустя некоторое время Михай зашевелился и открыл свои многочисленные глаза:

– Доктор, ну что там, у вас получилось? Я что-нибудь вам тут наговорил?

– Хех. Не то слово. Дадим тебе потом запись послушать, – заверил Каяял, подойдя поближе.

– Не вставайте. Вам пока необходимо слегка прийти в чувство, – предостерёг Микая Йоррен, после чего обратился уже к его брату: – Ну, что я могу сказать: реакция довольно-таки характерна. Мы, в нашем деле, разделяем гипнабельность и внушаемость, и, судя по всему,

в сознание вашего брата действительно могли вложить ту информацию, которую он сейчас нам передал. Не обязательно – именно пришельцы. Какие-нибудь похитители, ставившие особые секретные опыты, представители спецслужб. Разумеется, вопрос с внешностью остаётся открытым, хотя это тоже можно соотнести с теми же секретными разработками. Впрочем, и версию про пришельцев я пока что не склонен отвергать.

– Док, а мне казалось, что вы вроде бы как верите во всё это... – Каяял пытался подобрать корректное слово, поскольку, с одной стороны, привёл к врачу брата с жалобой на абдукцию, а с другой стороны – приёмный кабинет походил на музей уфологии: Неопознанные Летающие Объекты, пришельцы, и прочее...

– Дорогой мой! Во-первых, всё то, что можно проверить или измерить, не является вопросом веры или неверия. Это всего лишь вопрос исследований. Верить можно лишь в то, что принципиально невозможно ни доказать, ни опровергнуть. Во-вторых, в нашей работе приходится неизбежно быть скептиком. Каждый второй, кто приходит ко мне на приём с подобной темой, – шарлатан, нахватавшийся вполне себе известных фраз со слов других пациентов и очевидцев Неопознанных Летающих Объектов. Каждому третьему – необходима срочная психиатрическая помощь, поскольку они верят в истинность того, что не переживали, почерпнув информацию о несуществующем в действительности похищении из других источников. И лишь изредка мне приходится иметь дело с теми, кто действительно приходит с неопровержимыми доказательствами на щупальцах, – поведал Таррен, в то время как Микай, в должной степени отойдя от недавно проведённого сеанса регрессивного гипноза, разминаясь, поднялся с кушетки, приблизившись к собеседникам.

– Неопровержимые доказательства? – с лёгкой иронией поинтересовался Каяял. – Ну, и где же они у вас, в таком случае? Почему же вы их не обнаружите или не опубликуете?

– Изымаются. Несколько раз такое случалось в моей практике: первый раз – подобного рода пациент пришёл ещё к моему наставнику, пока я был интерном. Лежал, рассказывал – примерно всё так же ровно и складно, как Микай. Только при этом в ходе сканирования у него в теле был обнаружен один инородный предмет. На следующий же день, когда я, движимый интересом, пришёл на работу, этот врач больше там не работал; все документы, фотографии и записи, архивные данные, не говоря уже о найденном нами предмете, кто-то увёз; пациента перевели в другую больницу, а ко мне нанесла визит парочка весьма солидных и подозрительных ребят в чёрном, представившихся представителями спецслужб. Говорили они с очень странным и непонятым акцентом, но суть я всё равно уловил, даже сквозь их тарабарщину. Дескать, если буду много языком молоть – мне не поздоровится. Потом они неоднократно попадали в моё поле зрения. Показательно следили не отставая. Затем – уже мне ставились палки в колёса, закрывали дела, переводили пациентов; оборудование и записи исчезали – безо всяких следов взлома. Поэтому, дорогие мои, – нет, я – не ВЕРЮ в НЛО и внецензийские формы жизни. Я просто ЗНАЮ, что они существуют, – потеряв щупальца, ответил доктор Таррен.

– Ну, мне, в любом случае, терять уже нечего, – с некоторым легкомыслием поделился Микай.

– Ага. Кроме брата, его детей и внуков, – скептически напомнил ему младший брат, а после, обернувшись уже к доктору Таррену, заметил. – Ладно, Док, спасибо вам большое, что выслушали и не прогнали. Мы, пожалуй, уже пойдём. Когда нам обратиться снова?

– Завтра. Можно хоть прямо сразу – с утра. А впрочем – завтра я на работе целый день, принимаю дежурство... Микай? С вами всё хорошо? – прервавшись, мужчина перевёл взгляд на своего посетителя, который с вдумчивым видом всматривался в один из множества плакатов, число которых заметно превысило медицинские атласы. **«Я ХОЧУ ПОВЕРИТЬ!»**

– Док, вы знаете... Наверное, каждый из нас, когда-нибудь, в детстве всматривался в звёзды, любовался их мерцанием и про себя надеялся, что где-то там среди них есть жизнь... – не отрывая очей, промолвил Микай. – И знаете... Вот сейчас я стою, вспоми-

наю и думаю, что начинаю понимать своего отца... А ведь действительно, как он говорил: «Лучше бы её там и не было».

Затянулось неловкое молчание, после чего первым голос подал Каяял:

– Микай, сегодня мы, наконец, узнали всю правду. Ну, не всю, но что-то, по крайней мере, с твоих слов, нам стало известно. Вернёмся домой – я тебе как смогу перескажу. Но скажи – мы ведь не зря сюда сегодня пришли? Что-нибудь изменилось от этого в твоей жизни? Что ты решил делать дальше?

– Дальше? Что делать? Жить. Просто жить. В конце концов – это тоже требует мужества. Правда не вернёт обратно родителей, Тирру, не воротит потерянные годы, но, по крайней мере, для себя – я точно теперь буду знать, во имя чего были все эти жертвы... Спасибо вам, доктор, ещё раз, – от души поблагодарил Микай Аренали.

– Ну, что вы, что вы, – смутился тот. – А вообще, пожалуй, вы правы: «Лучше бы – её там и не было».

Океан надежды

Автор: Алексей Борисов

Канал во льдах протянулся до горизонта. По берегам, как россыпь рафинада, блестели на солнце ледяные торосы. От безоблачного неба вода переняла оттенок синевы. Налетел напористый арктический ветер, и по водной ряби рассыпались блики.

Вдали, у края обозримого мира, показалась крохотная точка. Она стремительно росла и приближалась. Мелькнула белой стрелой между льдов, взрезала воду, подняла в воздух брызги и... Остановилась у широкого причала.

Прозрачный купол глассера поднялся, и арктический день зазвенел от детских голосов и смеха.

– Ждём трапа. А потом осторожно, выходим по одному, – предупредила экскурсовод Наташа в оранжевом комбинезоне. Полярники, смотрители музея, одетые в такую же униформу, пришвартовали глассер и быстро пододвинули лестницу.

– Не разбегаться! – кричали взрослые. Но разве удержишь сорванцов? Мальчишки и девчонки в пёстрых туристических ветровках повыпрыгивали на причал. Блестел на солнце лёд и корпус глассера, блестели трубы металлических перил и радостно блестели детские глаза, восторженные чистотой полярного простора. Потребовалось время, чтобы всех собрать, как полагается и вновь привлечь внимание.

Дети столпились кружком вокруг Наташи, взрослые встали чуть поодаль.

– Ребята, добро пожаловать в музей полярной биоинженерии! – объявила экскурсовод.

– А где же музей? – спросил белокурый мальчонка-первоклассник.

– Ступайте за мной и всё увидите, – поманила Наташа.

Дети послушались.

Широкая тропа изгибалась от причала в сторону скал, и за ледяным поворотом, как в сказке про волшебную страну, открылась уютная долина со зданием музея. Ажурные стены из блоков, похожих на снежинки, образовали многогранную постройку, увенчанную сводом в форме пятиконечной звезды.

Научный комплекс «Радамант» создавали для экстремальных погружений. Адаптивный корпус из композита, известного как ТВК, выдерживал давление в полторы тысячи атмосфер. В расчёте на месяцы и даже годы автономной работы, «Радамант» оборудовали замкнутой СОЖ, способной поддерживать пятерых участников плавания.

Первые недели погружения проходили штатно. «Радамант», внешне похожий на атомную подводную лодку, которой, в сущности, и являлся, неспешно курсировал в бездне подлёдного океана. Там, где он проплывал, густая солёная тьма, неяркая свету на протяжении тысячелетий, вспыхивала конусами поисковых прожекторов. Стихию прощупывали и просеивали сонарные антенны и зонды для взятия проб. Каждый час, проведённый подо льдом, обогащал экипаж бесценными данными. Несколько раз были замечены зеленоватые изогнутые всполохи на дне, на глубине, недостижимой даже для «Радаманта». Холодный и на первый взгляд безжизненный мир неохотно делился тайнами с пытливым пришельцем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.